

Глава 5. Если лопнуть от переедания — это считается производственной травмой?

Изголодавшийся Цзян Тан съел подряд четыре красных плода и лишь тогда, от души икнув, нехотя остановился.

Затуманенная голодом голова наконец немного прояснилась.

Постойте. Так это что же, он только что преградил дорогу тому самому прекрасному мужчине, который вчера убивал, не моргнув глазом? Потом обнимал его за ногу, кусал одежду и беззастенчиво лип к нему, выпрашивая еду?

С запозданием его накрыл стыд.

Цзян Тан вырос в самой обычной семье. Как и большинство детей, он учился примерно как все, сдавал экзамены примерно как все, после выпуска нашёл примерно такую же работу, как у всех. Всю жизнь он был совершенно обыкновенным человеком и всегда вёл себя более-менее прилично. Никто никогда за ним не увивался, и сам он ни разу не цеплялся к кому-то так бессовестно. Кто бы мог подумать, что стоило ему попасть в новый мир, как все двадцать два года примерной добродетели разом полетят к чертям.

Пусть он уже и не человек. Пусть маленьким зверькам и не зазорно валяться на земле и липнуть к людям. Но как честный и прямой молодой человек, он не должен был так поступать!

Подумав об этом, Цзян Тан удовлетворённо икнул ещё раз.

Плоды и правда были восхитительны.

Не ради пяти доу риса он склонит спину, но ради этих сладких плодов — пожалуй, склонит. Он принялся сноровисто собирать разбросанные плоды и вскоре сложил из них аккуратную горку. Насчиталось почти пятьдесят штук. Его нынешнее тело было маленьким, ел он немного. Примерно два плода — и уже сыт. Если беречь запасы, ему хватит их на месяц.

Если только они не испортятся раньше.

Собрав продовольствие, Цзян Тан начал осматриваться по сторонам и вскоре заметил нечто очень странное.

Во-первых, кроме этого дерева, вокруг не было ни одного живого растения. По высохшей земле тянулись лишь давно истлевшие листья и травинки, ни единой зелёной жилки. И не только растений — никаких живых существ он тоже не видел.

По всем правилам летняя ночь должна была звенеть от стрёкота насекомых, птичьего щебета и

кваканья лягушек, как там, на пути его побега. Но с тех пор, как он вошёл сюда, исчезли все звуки, будто вместе со всеми живыми существами. Здесь царила жуткая тишина, и только ветер иногда приносил какой-то шорох.

Во-вторых, здесь не было света.

Лишь в том месте, где росло огромное дерево, проливалось немного сияния. Свет просачивался из-за заслонённого небосвода и падал прямо на дерево.

Чуть в сторону — и там уже были только сумрак и мёртвый покой.

Став зверьком, Цзян Тан начал чувствовать мир острее, чем в человеческом теле. Он попробовал шагнуть в темноту. После недолгой привычки оказалось, что она не совсем непроглядная. Но кругом всё равно простиралась бесконечная чернота, и стоило очутиться в ней, как из глубины сердца поднимался безотчётный страх, от которого всё тело холодело.

Именно поэтому этот слабый луч света, пролившийся с неба, казался таким драгоценным.

Цзян Тан молча вернулся в этот крошечный освещённый уголок.

Ладно. Ему и здесь неплохо. Плоды утоляют и голод, и жажду, так что какое-то время он точно не умрёт.

С этой неожиданно философской мыслью он снова уснул.

Вообще, как типичный загруженный офисный раб, Цзян Тан часто страдал бессонницей. Он нередко сидел до двух-трёх ночи с сухими глазами, не желая ложиться, потому что только время перед сном принадлежало ему самому. Всё остальное он отдавал жизни и работе.

Теперь у него не было ни телефона, ни привычной обстановки, и спал он особенно тревожно.

Невольно он начал думать, почему оказался в этом мире и как ему теперь выжить. Ответов он так и не нашёл. Мысли постепенно поплыли и наконец остановились на одном поразительно красивом лице.

Если говорить честно, это был самый красивый человек, которого он когда-либо видел.

На вид тому было чуть больше, чем самому Цзян Тану, — лет двадцать шесть или двадцать семь. Когда он не убивал людей, в нём было что-то мягкое, спокойное, совсем не похожее на безумца. Черты лица были глубокими и чёткими, и хотя каждый раз, когда они встречались, вокруг было темно, Цзян Тан всё равно отлично помнил взгляд его глубоких глаз под густыми ресницами.

Ниже высокого прямого носа — чуть тонкие губы. Цзян Тан ясно помнил, как при первой встрече тот вышел из темноты с лёгкой улыбкой в уголках губ, такой чистой, как лунный свет, что невольно хотелось подойти ближе.

Красивый. По-настоящему красивый.

Думая об этом, Цзян Тан постепенно уплыл в приятный сон и совсем не заметил, как глубокой ночью к нему приблизились шаги, от которых дрожала земля.

Под звон цепи из темноты вышел огромный Сян Син.

Он уже старался идти осторожно. Но чем сильнее старался быть осторожным, тем неуклюжее становился и тем больше шумел. Он был уверен, что разбудит зверька, однако, подойдя ближе, увидел только грязноватый белый комочек, который беззаботно спал на спине, раскинув лапы, с приоткрытым ртом и высунутым крошечным розовым языком.

— Сяо Бай[1].

Он самовольно дал Цзян Тану имя и попытался разбудить его.

У Цзян Тана была одна особенность: стоило кому-то позвать его по имени или даже чем-то созвучным, и он мгновенно просыпался, как будто в голове у него сидел особый ловец ключевых слов, напрямую соединённый с ушами.

Но если звали не его, хоть расшибись — он не услышит. В конце концов, раз зовут не его, к нему это не имеет никакого отношения. Совсем как на уроке, когда учитель вызывает к доске другого ученика, а ты мирно дремлешь дальше.

К тому же язык этого мира он вообще не понимал. На слух всё звучало как сплошная тарабарщина. А что такое слушать непонятную речь, как не прямая дорога ко сну, будто на скучном уроке иностранного языка?

Так что Сян Син долго сидел рядом и звал его «Сяо Бай», а Цзян Тан только спал всё крепче и крепче.

Сян Син заколебался.

Вообще-то звери должны быть очень чуткими. Стоит ветерку шелохнуться — и они просыпаются. А тут он шумел так, что земля дрожала, а зверёк всё не просыпался. Это было странно.

К тому же поза у спящего зверька была уж очень чудная. Белый комочек распластался всеми

четырьмя лапами, точно лепёшка, а дыхание было таким слабым, что казалось, будто он уже умер.

Сян Син хотел было ткнуть Сяо Бая пальцем, но его ладонь была размером с лопату, больше, чем весь зверёк целиком. Казалось, одно неосторожное движение — и он просто проткнёт малыша насмерть. Долго поколебавшись, Сян Син всё же смущённо отдернул руку и снова начал звать.

Если бы на его месте был кто-то с обычным умом, то давно нашёл бы другой способ. Но Сян Син уже и сам не считался по-настоящему живым, а душа его была повреждена. Нормального разума у него быть не могло.

Когда-то после горы трупов и моря крови он остался один-единственный, кто ещё дышал. Раны у него доходили до костей, и сам он был уже на пороге смерти. Фу Линцзюнь потратил немало духовной силы и собственной крови, чтобы удержать его в этом мире. Последствием стало то, что у него немного не ладилось с головой.

Сам Сян Син не считал, что с ним что-то не так. Напротив, он думал, что очень послушный, полезный и даже в чём-то сообразительный. Сам есть он не мог, но где-то в пустой голове всё ещё теплилось смутное воспоминание о том, каково это. Тысячи лет он провёл рядом с Фу Линцзюнем, не нуждаясь ни в пище, ни в воде, и давно забыл это чувство. Но сегодня, увидев, как Сяо Бай ест красные плоды, размазывая по мордочке сладкий сок, он вдруг ощутил странное желание, зародившееся где-то внутри и становившееся всё сильнее.

Он долго мучился этим желанием. Ему казалось, что он просто хочет ещё раз посмотреть, как Сяо Бай ест, но он боялся, что хозяин узнает и накажет его. И потому, дождавшись, пока хозяин уснёт, тихонько пришёл к Сяо Баю.

— Сяо Бай... Сяо Бай... Сяо Бай...

Снова и снова, будто покойника звал по имени.

Даже самая незнакомая иностранщина, если услышать её сотню раз подряд, становится узнаваемой. Под непрерывное бормотание Сян Сина Цзян Тану во сне уже стало казаться, что от слов «Сяо Бай» его вот-вот вывернет. Он подумал, что это какая-то заевшая запись из аудирования по английскому, которая запинается и повторяет одно и то же.

А потом вспомнил, что вообще-то уже в другом мире. Какое ещё аудирование? И резко распахнул глаза.

Перед ним торчала огромная голова, глаза — как у быка.

— !

Сон как рукой сняло.

— И-у-у! — пискнул он и, поджав хвост, попятился. От неожиданности он сперва даже не узнал лица Сян Сина.

Увидев, что Цзян Тан проснулся, Сян Син страшно обрадовался и подался к нему всем своим огромным телом. Земля под ним едва ли не заходила ходуном. Пыль взметнулась столбом, и от испуга Цзян Тан весь вздыбился.

Что это за псих вообще такой?!

Он серой мышкой юркнул за дерево и осторожно высунул оттуда половину головы.

Присмотревшись, он вдруг понял, что этот громила ему знаком. Разве это не тот самый спутник, который ходит за прекрасным мужчиной по пятам?

— Сяо Бай, ешь, — радостно сказал Сян Син и протянул ему красный плод, взятый из кучки.

В ушах Цзян Тана эти две перевёрнутые местами иностранные фразы звучали как демонический шёпот. Рука у громилы была такой огромной, что ему казалось: сейчас его схватят, освежут, зажарят, а потом ещё и плод раздавят и натрут им сверху для вкуса.

Он так и сидел за деревом, не желая выходить. Сян Син же не смел подходить слишком близко к границе между долиной Тяньбэй и внешним миром, и потому человек и зверёк, большой и маленький, застыли в затажном противостоянии.

У Цзян Тана сердце уже готово было выпрыгнуть. Если бы он умел говорить, то точно сказал бы: он ещё ребёнок, на нём и мяса-то почти нет, пусть сначала подрастёт и отъестся!

— Сяо Бай, Сяо Бай, ешь, — Сян Син не сдавался, но с его устрашающей внешностью убедить кого-нибудь выйти к нему было трудно.

В конце концов он, похоже, всё-таки понял, что его поведение выглядит немного странно. Он поднял плод ко рту, как бы показывая, что речь о еде. На самом деле поднести не смог — на лице была маска, — но смысл жеста передал довольно ясно. Повторив это несколько раз, Цзян Тан наконец понял: этот громила не спит посреди ночи только затем, чтобы посмотреть, как он ест.

Запрос был, мягко говоря, странный.

Перед сном он и так слопал целых четыре плода, явно переел. После сна всё это ещё даже не переварилось. А теперь его ещё и просят снова есть. Это уже настоящее зверское насилие.

Но если не есть, этот громила явно не собирался уходить. Он сидел перед ним, как маленькая гора, и твердил свои несколько слов снова и снова, пока у Цзян Тана не разболелась голова.

В конце концов он всё же сдался.

Медленно выползая из-за дерева, Цзян Тан поднялся на задние лапы и передними стянул плод из руки Сян Сина. Глубоко вздохнул, смирился и вгрызся в кожуру.

Сян Син тут же послушно уселся ровно и не сводил глаз со зверька.

Зверёк и сам по себе был мил, а уж то, как он ел, и вовсе радовало глаз. Сян Сину это ужасно нравилось. Он старательно досмотрел, как Цзян Тан доел один плод, а затем, совершенно ненасытный, придвинул к нему ещё один.

— Ик... — Цзян Тан покачал головой.

Нет, больше нельзя. Если он лопнет от переедания, это вряд ли сочтут производственной травмой. Слишком уж невыгодно.

[1] Сяо Бай (小白) — буквально «белыш», «беленький».

<http://bllate.org/book/17032/1599344>